

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС ДОСТИЖЕНИЙ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЁЖИ
«НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ»

Направление: ИСТОРИЯ, ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Тема: Массовый угон населения на принудительные работы в Германию как одна из форм противоправной деятельности нацистов в период Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области).

Соискатель: Семерник В.Ю.

Научный руководитель: Сокуренок В.В.

Место выполнения работы: МБОУ Аксайского района гимназия №3

Оглавление.

1. Введение	3
2. Основная часть исследования	4
3. Заключение.	20
4. Список литературы	22

1. Введение

На сегодняшний день, комплексное изучение системного геноцида мирных жителей, проводимого нацистской администрацией на оккупированных территориях Советского Союза, представляет собой важную научную проблему. В юридическом аспекте, эта деятельность тесно связана, в частности, с насильственной отправкой советских людей на принудительный труд в Германию.

Вопрос использования принудительного труда жителей оккупированных стран и регионов оценивался не только на основе качественных исследований, но и с помощью количественных показателей. Именно они позволяют наглядно продемонстрировать масштаб принуждения и использования рабского труда Третьим рейхом. Согласно материалам Нюрнбергского процесса, в частности, заключительной речи советского обвинителя Р. Руденко (июль 1946 г.), в период войны около 5 миллионов человек, включая угнанных с оккупированных территорий и военнопленных, были задействованы в промышленности и частично в сельском хозяйстве Германии в качестве "подневольных рабочих" [1].

Эксплуатация советских людей в нацистской Германии, включая оstarбайтеров, военнопленных, женщин и детей, представляет собой одну из наиболее трагичных и одновременно недостаточно освещенных глав в истории Великой Отечественной войны. С каждым годом все меньше остается живых свидетелей тех ужасных лет. Их личный опыт, воспоминания и документальные подтверждения играют важную роль не только в воссоздании картины войны, но и в углублении нашего понимания прошлого.

Цель исследования – анализ и систематизация данных о фактах угона населения из отдельных территорий Ростовской области в период ее оккупации с 1941 по 1943 гг.

Для достижения цели исследования были выполнены следующие задачи: выяснены основные причины массового угона советских граждан в Германию на принудительные работы, изучены свидетельства очевидцев и заключения комиссий по фактам угона гражданского населения Ростовской области в период оккупации и их дальнейшей участи.

Методологической основой исследования послужил метод познания, опирающийся на принципы историзма, объективности, всестороннего подхода.

Источниковую базу исследования составили архивные материалы Центра документации новейшей истории Ростовской области и Государственного архива Ростовской области. Хронологические границы исследования определены периодом оккупации Ростовской области нацистскими захватчиками, а также заключительный победный этап Великой Отечественной войны, когда производилось расследование и фиксация злодеяний нацистов.

Гипотеза исследования. Массовый угон населения Ростовской области сочетал идеологические и экономические компоненты. В исследовании рассматривались: условия проживания оstarбайтеров, обращение с ними, наказания, питание, медицинская помощь, оплата труда, возможность связи с родственниками, а также агитационная деятельность нацистов, привлекавшая к добровольному труду в Германии.

На основании различных исторических источников, газет, воспоминаний и исследований историков, был изучен вопрос эксплуатации мирного населения Ростовской области, подвергшейся оккупации в 1941-1943 гг. во время Великой Отечественной войны, в том числе был рассмотрен вопрос направления жителей области на принудительные работы в Германию.

В исследовании рассматривались: условия проживания оstarбайтеров, обращение с ними, наказания, питание, медицинская помощь, оплата труда, возможность связи с родственниками, а также агитационная деятельность нацистов, привлекавшая к добровольному труду в Германии.

В результате исследования было выявлено, сколько граждан и из каких административно-территориальных единиц Ростовской области было направлено на принудительные работы в Германию, какова была дальнейшая судьба некоторых из них.

2. Основная часть исследования.

Привлечение иностранных работников в крупных масштабах являлось существенной составляющей экономической стратегии нацистской Германии. Рост промышленного выпуска, активизация аграрного сектора и реализация планов по аннексии земель в Европе и за ее пределами вызывали постоянно растущую потребность в большом количестве трудовых ресурсов. Это обуславливалось необходимостью поддержания непрерывного расширения производства и обеспечения функционирования захваченных территорий. Массовый приток рабочей силы рассматривался как ключевой фактор для достижения экономических и военно-политических целей нацистского режима. Использование труда иностранных рабочих позволяло Германии восполнять нехватку рабочих из числа собственного населения, задействованного на военной службе, значительно снижать затраты на содержание и оплату работников, а также обеспечивать бесперебойную работу ключевых отраслей экономики. Эта политика, основанная на принудительном труде, стала одним из мрачных проявлений нацистского режима.

«Второсортность» иностранных граждан в Германии подчеркивалась и закреплялась документально уже в 1933 году. К 1938-1939 годам, по мере расширения производства и осуществления экспансионистской политики, ограниченности финансовых возможностей, созревало и трансформировалось в практические шаги решение об использовании принудительного труда как мирного населения, так и военнопленных с оккупированных территорий. Альф Людтке отмечает, что в условиях многоцентровой власти нацистской Германии возникло противоречие между двумя подходами к эксплуатации трудовых ресурсов. Один подход был ориентирован на строгий расчет экономической целесообразности, а другой характеризовался безжалостным и жестоким использованием рабочей силы, игнорируя состояние здоровья и моральный дух работников [2].

Нормы обращения с иностранной рабочей силой, привлеченной к работе в промышленности Третьего рейха, были четко ориентированы на первостепенную задачу – обеспечение скорейшей победы в войне. Прибывшим в Германию рабочим категорически запрещалось контактировать с немецким населением. Им было запрещено посещать религиозные учреждения и пользоваться общественным транспортом без особого разрешения. Они были обязаны носить на одежде опознавательный знак, указывающий на их национальную принадлежность. Правовые нормы Германии не распространялись на судебные разбирательства в отношении рабочих с востока.

В то же время, нацистская пропаганда использовала ложь и искажения фактов, чтобы привлечь добровольцев к работе в интересах Третьего рейха. Это отчетливо прослеживается в материалах пропагандистских брошюр того времени, утверждавших, что иностранные рабочие в Германии трудятся на благо всей Европы. Их привезли сюда с целью снабжения передовой, артиллерийских расчетов, механизированных частей, а также военно-воздушных и военно-морских сил наиболее совершенным немецким вооружением. Авторы листовки утверждают, что Германия открыта перед мировым сообществом и якобы предоставляет иностранным рабочим благоприятные условия проживания и питания. Однако, как признал Заукель в 1944 году, из пяти миллионов иностранных рабочих, прибывших для работы в Германию, лишь около двухсот тысяч сделали это по своей воле [2].

Опираясь на материалы Нюрнбергского трибунала, в период Второй мировой войны германская экономика, включая промышленность и сельское хозяйство, эксплуатировала труд приблизительно 10 миллионов рабочих, представлявших 28 различных национальностей. Эти

люди были доставлены в Германию как добровольно, так и насильственно с оккупированных территорий, а также из лагерей для военнопленных. Альтернативные источники указывают на то, что общее число иностранных рабочих и узников концлагерей, использовавшихся в Германии в годы войны, достигало 13,5 миллионов человек. Значительная их часть, от 80 до 90%, фигурирует в документах как "подневольные работники" и "рабы". Необходимо помнить о непостоянстве их правового положения. К примеру, в августе 1944 года нацистское руководство изменило статус около полумиллиона венгров, более 388 тысяч поляков, 200 тысяч французов, а также тысяч сербских, советских, британских и американских военнопленных, переведя их в категорию гражданских рабочих. В общей сложности речь идет о 8,4 миллионах гражданских работников, 4,6 миллионах военнопленных и 1,7 миллионах заключенных концлагерей и лиц, определенных как "еврейские рабочие" [3].

История жизней миллионов советских людей, насильно вывезенных в нацистскую Германию во время Второй мировой войны, даже спустя более восьмидесяти лет, в значительной степени остается слабо изученным аспектом. Точное количество граждан СССР, попавших в нацистское рабство и ставших бесправными "остарбайтерами" (вывезенные из Восточной Европы для бесплатного труда), до сих пор неизвестно. В материалах Нюрнбергского трибунала утверждается, что около 5 миллионов советских граждан были насильно отправлены на работы в Германию [4].

Важно подчеркнуть, что советская территория виделась как "жизненное пространство" для Германии, и все советские народы, вне зависимости от их места в сложной пропагандистской иерархии, оценивались с точки зрения их потенциальной пригодности для нужд Третьего рейха: будь то работа на военных заводах или служба в легионах с оружием в руках.

Стоит отметить, что когда армян или казахов называли русскими, то термин "русский" использовался для обозначения социокультурной, политической и идеологической общности людей, признаваемой таковой и нацистским режимом Германии [5].

Вопрос об использовании принудительного труда рабочих из Советского Союза Третьим Рейхом рассматривался в научной литературе с нескольких сторон. Часть исследований была посвящена идеологическим причинам эксплуатации, в частности исследователи Г.Э. Ирицян и Н.А. Гаража упоминают, что трудоиспользование населения с оккупированных территорий являлось неотъемлемой частью идеологии Третьего Рейха, наряду с расово дискриминационным компонентом [6]. Включение идеи о физическом и умственном доминировании одних этносов над другими в структуру трудовых взаимоотношений иностранных рабочих преследовало цель упрощения управления ими, подчинения и снижения формирования потенциальных очагов противостояния.

Другие авторы усматривают в применении подневольного труда исключительно экономические основания в части уменьшения нагрузки на рабочих Германии при сохранении высоких темпов производства.

Анализируя терминологическую специфику рассматриваемой проблемы, прежде всего обратимся к фундаментальной работе У. Герберта, посвященной эксплуатации иностранного труда в нацистской Германии. Герберт определяет четыре категории трудовых ресурсов, отличающиеся по способу вербовки, социальному положению, юридическому статусу, длительности и условиям работы [7]:

- Иностранные рабочие, прибывшие в Германию в период с 1939 по 1945 год (Fremdarbeiter).

- Военнопленные, использованные в качестве рабочей силы, включая итальянских солдат, задержанных после выхода Италии из войны, и значительное число польских заключенных, переквалифицированных как «гражданские работники» (Zivilarbeiter).
- Узники концентрационных лагерей, находившихся на территории Рейха.
- Евреи, работавшие по месту проживания в гетто, принудительных трудовых лагерях или в системе концентрационных лагерей.

Свидетельства очевидцев с разных сторон часто не проводили четкой границы между гражданскими рабочими и военнопленными. В воспоминаниях и тех, и других фиксируется понятие «гражданские пленные» – обычно квалифицированные специалисты, учителя, инженеры и другие. По приказу Гитлера профессиональные шахтеры в возрасте от 16 до 55 лет были приравнены к военнопленным для поддержания железо-стальной промышленности и удовлетворения потребностей угольной отрасли.

Представленная классификация отражает официальную терминологию Третьего рейха, уделяя особое внимание определенным нюансам. Герберт подчеркивает избирательный подход национал-социалистов, направленный не только на систематизацию рабочей силы, но и на выделение различных видов отношения к различным группам рабочих. Стратегии дифференциации и противопоставления для нивелирования моментов объединения в подобных кругах были представлены селективным использованием насилия, тяжелой работой, возбуждение ненависти на религиозной и этнической почве. Манипуляции групповым и индивидуальным сознанием стали одним из инструментов нацизма и немецких финансовых кругов. Система эксплуатации иностранной рабочей силы в Германии во время войны представляла собой порочный круг: насилие для сегрегации, сегрегация для насилия.

В этой связи важным становится вопрос социально-правового статуса, затронутый М. Шпеером, который выделяет факторы подневольности и изоляции труда как ключевые характеристики для классификации иностранных рабочих [8], что в полной мере отражает политику Германии в сфере трудовых отношений того периода.

Повсеместное применение Третьим Рейхом дешевой, зачастую бесплатной рабочей силы, имело колоссальную значимость для её экономики, позволяя дать своевременный ответ на актуальные производственно-экономические трудности.

Значимость этого вопроса для руководства Третьего рейха подтверждается участием ключевых политических фигур и структур в процессе его решения. На высшем уровне в Германии организацией эксплуатации иностранной гражданской рабочей силы занимались уполномоченный по четырехлетнему плану (Г. Геринг), рейхсминистр труда (Ф. Зельдте), а с 1942 года – главный уполномоченный по использованию рабочей силы (Ф. Заукель). Кроме того, рейхсминистр оккупированных восточных территорий (А. Розенберг) вместе с рейхскомиссарами Остланда (Г. Лозе) и Украины (Э. Кох), а также главное управление имперской безопасности (Р. Гейдрих, Г. Гиммлер, Э. Кальтенбруннер) играли активную роль в этом процессе.

Привлечение тысяч работников с захваченных территорий, а также военнопленных, осуществлялась посредством применения различных форм насилия и дезинформации. В структуре этих категорий работников был высок процент заболеваний и смертности, лидирующие позиции по этим показателям приходились на оstarбайтеров ввиду особой политики нацистского режима в их адрес. Употребление термина "принудительный труд" широко встречается в документации Третьего Рейха, став важной составляющей его регулятивной политики в сфере труда и благосостояния государства.

В системе трудовых отношений нацистской Германии в той части, которая опиралась на принудительный труд, дискриминация особенно ярко проявлялись в отношении "восточных рабочих". Эти лица, относившиеся к иностранной рабочей силе, занимали особое, подчинённое положение в иерархии.

Термин "восточный рабочий" ("остарбайтер", от немецкого *Ostarbeiter*, обозначающего работника с Востока), применялся в Третьем рейхе с 1942 по 1944 годы для выделения людей, доставленных из Восточной Европы в добровольном или принудительном порядке для осуществления трудовой деятельности безвозмездно, либо по крайне низким расценкам.

К "восточным рабочим" причисляли лиц, прибывших из подконтрольных СССР территорий, независимо от их национальности. Они обязаны были носить знак "OST". Это относилось как к гражданским лицам, депортированным в Рейх, так и к советским военнопленным, использовавшимся в различных отраслях.

Порядок привлечения к труду "восточных рабочих" регулировался специальными документами, например, "Памяткой об обращении с гражданскими иностранными рабочими в Германии". Этот документ определял условия содержания, ограниченные права (переписка) и запреты (посещение церквей, интимные отношения, самовольные отлучки). Вероятно, термин "восточный рабочий" в период войны стал превалировать над "иностранным рабочим" из-за большого количества выходцев с оккупированных советских территорий. Термин "русский рабочий" часто применялся как синоним к "восточному рабочему", например, в пропагандистской брошюре "Политические задачи немецкого солдата в России в свете тотальной войны". Выделение "русских" рабочих отражало принцип "разделяй и властвуй", который активно использовался для разжигания вражды между народами СССР и Восточной Европы, особенно между русскими, украинцами и белорусами.

В нацистской документации по вопросам трудоустройства советских граждан иногда высказывались опасения, что термин "восточный рабочий" имеет более узкое значение, чем термин "иностранное рабочее", что воспринималось как несправедливость. Однако, данное утверждение, скорее всего, было лишь попыткой оправдать бесчеловечное обращение с работниками из СССР. Современная историография тщательно анализирует этот вопрос, используя оба понятия в их историческом контексте.

Нацистская верхушка, опираясь на опыт, полученный в годы войны, придерживалась мнения о необходимости крайне жестокого обращения с советским населением. Любые признаки либерального подхода воспринимались ими как демонстрация слабости. Их убеждения были сформулированы следующим образом: "Тот, кто полагает, что мягкостью сможет добиться признательности от славян, явно приобрел свой политический опыт не в рядах НСДАП и не на Восточном фронте, а скорее в каком-нибудь интеллектуальном кружке".

Ряд исследователей фиксирует прямую взаимосвязь между возрастанием трудовой дискриминации по этническому признаку и увеличением военных поражений.

Согласно сведениям, представленным П.М. Поляном, из Советского Союза на земли, оккупированные нацистской Германией и ее партнерами, было переселено приблизительно 8,7 миллиона человек. Из этого количества около 5,45 миллиона являлись гражданскими лицами, а 3,25 миллиона – военнопленными [9]. С 1942 года в группу «остарбайтеров» стали включать жителей старых российских регионов.

По альтернативным подсчетам, в период Второй мировой войны на принудительных работах в Третьем рейхе были задействованы 13,5 миллионов человек, включая иностранных рабочих и заключенных. Львиную долю (80-90%) составляли так называемые "подневольные

рабочие". В их числе, с учетом динамики статуса, насчитывалось: 8,4 миллиона гражданских лиц, привлеченных к труду, 4,6 миллиона военнопленных и 1,7 миллиона узников концентрационных лагерей, а также лиц еврейской национальности, использовавшихся в качестве рабочей силы.

Согласно информации "Всероссийской книги памяти", с оккупированных территорий Советского Союза в Рейх было насильственно депортировано 5 269 513 человек для выполнения трудовых обязанностей. Из числа гражданских лиц, вывезенных из СССР, 2 654 100 человек после войны вернулись на родину, а 451 100 человек предпочли не возвращаться и остались за границей. Более 2,16 миллиона рабочих погибли или скончались вдали от дома. Точная численность угнанных, добровольно отправившихся в Германию, вернувшихся, умерших на немецкой земле или в процессе депортации установить затруднительно из-за ряда обстоятельств. Среди них: фрагментарность архивных данных, погрешности в учете уезжающих, а также специфические жизненные обстоятельства "остарбайтеров".

Высокая потребность экономики Третьего Рейха в дешевой рабочей силе, а также административная и финансовая мотивированность многих высокопоставленных лиц нацистской Германии и необходимость реализации плана «Ост», способствовали направлению с оккупированных районов Советского Союза не только основные трудовые категории граждан в возрасте от 16 до 55 лет, но и детей, больных, людей с ограниченными возможностями. В 1944 году перед военным командованием «Центр» в Минске была поставлена задача первостепенной важности: организовать отправку в Германию несовершеннолетних детей из РСФСР и Белорусской ССР в возрасте от десяти до четырнадцати лет.

По информации от фронтовых и армейских подразделений, занимавшихся репатриацией населения, к началу октября 1945 года в СССР было репатрировано 386 471 ребенка до 16 лет и 224 559 детей, не достигших 10-летнего возраста. Эти данные касаются общей численности несовершеннолетних, которые были угнаны для принудительного труда в Германию [10].

Многие немецкие предприятия негативно относились к малолетним работникам ввиду несоответствия затрат и получаемой производительности труда. Так, руководство угольной шахты концерна «Флик», обращаясь в биржу труда, подчеркивало: «Наши лагеря предназначены для рабочих, а не для подобного контингента» [11].

Обращает на себя внимание корреспонденция концерна, направленная инженеру Рису из районного ведомства, занимающегося распределением трудовых ресурсов. В ней содержались данные о прибытии эшелонов с рабочими с востока: 26 февраля 1944 года прибыл транспорт, в котором находились 13 детей, 13 подростков (возрастом от тринадцати до пятнадцати лет) и 13 младенцев; 12 мая того же года – 22 ребенка в возрасте от года до четырнадцати лет; 16 декабря 1944 года – 36 детей, а также женщины, ожидающие ребенка или недавно родившие. В тексте письма выражалось возмущение тем фактом, что нетрудоспособные лица "наводнили пространство лагеря, используя скудные ресурсы продовольствия, и не принося никакой отдачи" [12].

Очень часто на немецких заводах занимались обучением подростков и детей в целях взращивания и пополнения квалифицированных кадров. Для достижения этой цели была развернута активная пропагандистская кампания, которая, однако, не привела к желаемым результатам из-за противоречивой политики немецких властей, несоблюдения ими обязательств и обещаний, а также из-за усиления неприязни к ним со стороны остовцев.

В основном, выпускники советской образовательной системы отличались уверенностью, внутренней свободой и развитым кругозором, а также ощущением собственного достоинства [19]. Они активно стремились к получению знаний, имели разнообразные хобби и навыки общения,

приобретенные благодаря участию в государственных и общественных структурах. Столкнувшись с реальностью Германии, они непосредственно узнали о настоящей, неискаженной пропагандой, сущности нацизма. Это сочеталось с высоким уровнем общественной вовлеченности, умением критически мыслить и острым восприятием всего происходящего: как хорошего, так и плохого, правдивого и лживого.

Помимо непосредственного переправления трудовых ресурсов в Германию, принудительный труд использовался непосредственно на оккупированных территориях. Детей активно задействовали на местных предприятиях и в качестве подсобных рабочих в военных подразделениях. В районе Греческого, под Новороссийском, где дислоцировалась 9-я немецкая пехотная дивизия, задокументированы эпизоды использования немецкими войсками подростков 14-15 лет для рытья траншей под огнем артиллерии при создании оборонительных укреплений.

Несмотря на принуждение, эксплуатация несовершеннолетних на опасных и изматывающих работах рассматривалась местными жителями как менее ужасный вариант, чем отправка в Германию. Нацистские власти, осознавая это, намеренно использовали данное восприятие в собственных целях. В архивах Густава Дитмана, руководителя хозяйственного отдела организации Тодта, зафиксирован случай, когда девушек, занятых на сборе картофеля в Лобани, отправили в Германию из-за критики оккупационного режима. Одну из них оставили, сославшись на ее непригодность для работы в Германии, за что Дитман получил выговор.

Жестокость и полное пренебрежение к основным человеческим правам являлись типичными чертами нацистского режима. А.В. Данилычева (1930 г.р.) вспоминала, как в возрасте 11-12 лет вместе со своей 13-14-летней сестрой участвовала в рытье окопов и сборе тел погибших. Так же, как и взрослых, за несоблюдение объемов работ лишали пайка.

Для работников с востока, включая детей, не существовало ограничений по возрасту и тяжести труда. В воспоминаниях В.Д. Атрохина (1932 г.р.) говорится: "Администрация лагеря относилась к нам, детям, как ко взрослым. Нас заставляли выполнять ту же работу, снабжали таким же скудным питанием, ни о каком сочувствии не было и речи. Если ребенок падал или плакал, его могли просто убить. Мы повзрослели очень быстро".

Безусловно, следует принимать во внимание влияние пропаганды на местное население. Воспоминания остарбайтеров разных возрастов содержат множество свидетельств о том, как жителей раздражал стук деревянной обуви восточных рабочих во время их передвижения колоннами (этот шум зачастую намеренно усиливался по приказу охраны).

Пригнанные на завод рабочие обитали в бараках лагерного типа, где над ними осуществлялся жесткий надзор. Нарушения влекли за собой суровые взыскания. В бараках, где царили антисанитарные условия, теснота и недостаточное питание, часто возникали эпидемии дизентерии и тифа. Практически все узники жаловались на боли в животе. В бараке стояла невыносимая вонь, и многие умирали. «Три долгих года плена тянулись бесконечно, наполненные тяжелым, изнурительным трудом, скудным рационом, холодом, жестоким обращением и болезнями» [13].

В письмах людей, находившихся на территории Рейха, описываются детали их пребывания в плену. Из письма Марии Захаровны Горбуновой от 20.03.1945г. <...> «Находилась в городе Гайелаутерне... Лагерь был оцеплен двумя рядами колючей проволоки... Приходилось много работать, в основном это были земляные работы... Одежды и обуви не доставало. Выдавали 300 г. хлеба в сутки, а в другой день и этого не было. Давали баланду из брюквы и картофельных очисток, в связи с чем люди становились похожими на скелеты. От деревянных кандалов на ногах были кровавые мозоли. Работали по 12 часов в день, время на отдых не было ...» [14].

О тяжелом положении остарбайтеров мы можем судить также из другого воспоминания <...> «Работал на военном заводе, где было 240 девушек и 100 ребят. Ребят держали отдельно в каменном доме с запертыми дверьми как зверей, по 20 раз в день пересчитывали. Кормили брюквой...». Одежду забрали, рубах не было, дали штаны и холодной жакет, а также пальто. По внешнему виду выглядели как душевнобольные. Так было в течение года, затем стали выпускать гулять возле лагеря под присмотром полицейских. Часто также водили на прогулку в город Линденбург (люди были рады и этому, потому что можно было подышать свежим воздухом после замкнутого пространства и антисанитарии). Когда фронт был в Польше стали отпускать в город без полицаев, но с нашивкой «OST» на одежде» [15].

По свидетельствам гр. Н.Д. Пащенко, попавшей насильственным образом ребенком 10 лет в Германию: «Работа была изнурительная, с четырех часов утра и до полуночи, порой непосильная для взрослого человека: приходилось носить ящики по 70-80 кг., что красноречиво свидетельствовало об отношении нацистских властей к русским детям» [16].

Юридически остарбайтеры были не защищены от произвола как надзирателей, так и немцев, занимавших самые низшие гражданские должности. Гостенко Е.С. в своем письме пишет, что даже имея ожог кисти, была заставлена продолжить работать на фабрике, без должного оказания медицинской помощи, а в связи с попыткой неповиновения данным требованиям находилась в течение длительного времени в сыром подвале [17].

Советские граждане, насильно превращенные в рабов, были обречены на голод и медленное угасание от недоедания и непосильной работы, замерзания и побоев, о чем свидетельствуют письма, полученные из Германии от угнанных людей.

[...] Забраны мы были 28 сентября 1942 года. Погрузили нас 50-60 человек в вагоны, проехали, почти не останавливая поезда, 10 суток до самого лагеря. Спустя пять дней после отъезда из дому стали давать нам по куску хлеба в день. Изредка на остановках подвозили суп, который никто не хотел есть. Чтобы мы не разбежались, эшелон сопровождала немецкая полиция. Она же пристально следила за каждым нашим движением на остановках и в вагоне. Привезли нас в лагерь, расположенный рядом с лагерем русских военнопленных. Вид этого лагеря и находившихся в нем людей наводил на нас ужас. Это были не люди, а тени их. Каждый день мы видели, как они тащили, еле передвигая ноги больные и бессильные, воз с водой и умершими товарищами. Пять дней пробыли там в деревянных бараках, через разломанные крыши которых мы обильно поливались осенним холодным дождем. Кормили нас в сутки супом и куском хлеба, испеченного наполовину с бураком. Потом пришли помещики и управляющие с фабрик и заводов. Часть из людей была забрана помещиком по одиночке, иные были отданы группами на фабрики и заводы. С группой девушек я попала на фабрику по переработке камня. Там мы находились на земляных работах. Каждый день, рано утром, полицейские плетками выгоняли нас на работу, несмотря на дождь и холод. За девушками, разбитыми на группы, следили полицейские. Норма была большая. Выполнить ее мы были не в силах. Потому часто оставляли работать после работы и по воскресеньям. Вечером возвращались в бараки усталые и голодные. Получив похлебку из сыроватой брюквы и кусок хлеба, мы уходили в (неразборчиво). Укладывались на двухэтажные деревянные нары, и старались согреться, укрывались у кого чем была возможность. Девушки заводили разговоры о Родине, родных и доме, плакали и пели песни тоскуя по Родине до тех пор, пока не приходил полицейский и руганью, плеткой не заставлял замолчать. Тогда уставшие физически и душевно девушки засыпали тяжелым кошмаром, часто просыпались от холода. А утром, нас не успевших отдохнуть, и [неразборчиво] после дождя в мокрой одежде, вели опять на непосильную работу. Так продолжалось изо дня в день, Пока Красная Армия не освободила нас

ото плена. Нам было очень трудно (неразборчиво) мы не переставали надеяться на тот светлый и радостный час, когда мы сможем [зачеркнуто), немцы будут побеждены и мы сможем вернуться на Родину! И этот час настал 25 апреля 1945 г. когда Красная Армия выбила немцев из нашего села и завода. А через полмесяца я была уже на Родине, дома в кругу своих родных. Честь и слава нашей доблестной Красной Армии, разбившей наголову немцев и освободившей нас от рабства! [...] [18]

В целом жизнь и работа оstarбайтеров характеризовались крайне суровыми условиями. Обращение с ними со стороны немецких надзирателей полностью отражало нацистскую идеологию о превосходстве арийской расы, глубоко укоренившуюся в их мировоззрении.

Важно отметить, что тщательное изучение событий того времени позволяет понять ход исторических событий, а архивные документы обретают исключительную значимость для сохранения достоверных свидетельств о ключевых событиях Великой Отечественной войны. Отображая общую картину жизни в те годы, они способствуют формированию и укреплению коллективной памяти, опирающейся на историческую правду.

Уже через несколько месяцев после вероломного нападения врага на Советский Союз без объявления войны части вермахта оказались в границах Ростовской области. Первым из городов был захвачен Таганрог 17 октября 1941 г., далее – 21 ноября 1941 г. – части Красной Армии были вынуждены оставить Ростов-на-Дону, первая оккупация которого продолжалась недолго и вошла в историю как «кровавая неделя».

Подразделения дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» совершили массовые убийства безоружных ростовчан, преимущественно в Пролетарском районе. Жертвами стали сотни мирных жителей, среди которых были старики, женщины и дети.

На 1-й Советской улице, возле дома №2, образовалась гора из тел 90 человек, жильцов этого здания. В районе 36-й линии, неподалеку от детского дома, оборвалась жизнь 61 человека. На пересечении 40-й линии и улицы Мурлычева фашисты расстреляли очередь за хлебом, лишив жизни 43 человека, в основном пожилых людей, матерей и детей. На Армянском кладбище

гитлеровцы из автоматического оружия уничтожили до двухсот местных жителей. В парке имени Фрунзе нацисты совершили зверское убийство Вити Черевичкина.

О зверствах нацистов красноречиво написано в газете «Правда» от 14 августа 1942г. №226 <...> Мир еще не видел такого уровня бесчеловечности, зверств и ужасающих злодеяний, которые каждый день совершаются немецко-фашистскими захватчиками на нашей земле.

Германские злодеи, осуществляя кошмарный план своего презренного «фюрера», систематически истребляют гражданское население на захваченных территориях. Неопишуемые муки испытывают от этих палачей советские люди – старики и старухи, женщины и дети. Подлые оккупанты совершают насилие над женщинами, пытают стариков, замучивают до смерти военнопленных, издеваются над беззащитными детьми. Им выкалывают глаза, отрезают уши, отсекают пальцы на маленьких детских руках.

Прочитайте, товарищи, эти строки. Это – послание красноармейцу Сидорову от его сестры Веры из Смоленской области:

«Коля, невозможно передать словами, что мы пережили. Секретаря сельсовета Валю Иванову и её детей Нину и Гришу ты знаешь. Гитлеровские офицеры, пытаясь получить информацию о наших партизанах, прибегли к пыткам ее детей. Связав Вале руки, эти нелюди на ее глазах отрезали Нине и Грише правые уши, мальчику выкололи глаз, девочке отрубили все пальцы на руке. Валя не выдержала этих зверств и умерла от сердечного приступа. Замученных детей убили и бросили в лесу. Остатки тел мы похоронили в одной могиле с Валею. Варварски расправились также с дочерью учительницы Марии Николаевны. Зная о ее муже, изуверы стали мучить ее дочь Веру. Шестилетней девочке нагретыми иглами искололи руки, ладони, уши. После и её отравили. Подверглась пыткам и Мария Николаевна. Ей вливали в рот бензин, вывернули руки, искололи тело. Она умерла в муках, не выдав партизан. В селе Малое Петрово согнали всех взрослых на работы, а детей и стариков убили, загнав в сарай, облили бензином и сожгли».

Солдаты Красной Армии! Неужели ваши сердца остаются равнодушными к этой вести? Нельзя допустить, чтобы зверства и убийства, совершаемые немецкими извергами над советскими гражданами, остались без возмездия. Реки невинной детской крови проливаются. Это кровь ваших сыновей и дочерей, братьев и сестёр, будущего поколения.

Дети – это наша надежда, наша радость, наше завтра. В Советском Союзе им был уготован светлый путь к счастливой жизни. Но в наш дом вторглись грабители, как дикие звери, проникшие в наши жилища. Они сжигают города и деревни, стирают с лица земли всё, что было создано трудом народа, отнимают у детей самое ценное – жизнь.

Гитлеровские приспешники планируют уничтожить большую часть населения Советского Союза, чтобы оставшихся превратить в бесправных рабов, обречённых на нищенское существование. Они стремятся истребить наших детей – наше будущее.

Мы заявляем: это безумие! Но они претворяют свои замыслы в жизнь... Это делают солдаты и офицеры немецкой армии. Это уже не воины, а убийцы детей, облачённые в военную форму. Это не солдаты, а обыкновенные преступники, несущие знамя свастики. Это нелюди, а настоящие звери. Невозможно подобрать слова, чтобы выразить весь ужас злодеяний, совершённых немцами. Но сейчас нужны не слова, а действия!

Необходимо уничтожить немецко-фашистских захватчиков, как бешеных зверей, отвечая им той же монетой: смертью за смерть, кровью за кровь! <...> [19]

Имея в виду земли от Азовского побережья до районов проживания поволжских немцев, руководство Германии намеревалось сформировать особое административное образование – рейхскомиссариат «Дон – Волга» (в немецких источниках – Dongebiet, область вдоль Дона).

Ростов-на-Дону рассматривался как будущий административный центр. Альфред Розенберг выдвигал кандидатуру Дитриха Кляггеса, бывшего главой правительства Брауншвейга, на пост рейхскомиссара. Впоследствии эти территории решили подчинить рейхскомиссариату «Украина», организовав два новых генеральных комиссариата: «Донланд» (Донской регион) с административным центром в Ростове и «Волгаланд-Зюд» (Южно-Волжский регион) со столицей в Сталинграде, планировавшемся к переименованию в Волгабург.

В процессе успешных действий частей Красной Армии в ноябре-декабре 1941 г. враг был выбит из г. Ростов-на-Дону и некоторых прилегающих к нему территорий. Именно с этого периода начинается деятельность по фиксации чудовищных преступлений оккупационных властей.

На оккупированной территории Ростовской области вся власть сосредоточивалась в руках германских военных комендатур, а в зоне активных боевых действий – непосредственно у командующих подразделениями вермахта и их союзников. В обязанности военных комендантов входили охрана, расквартирование и обеспечение войск, поддержание общественного порядка, а также выполнение различных распоряжений. Помимо этого, они вели борьбу с советскими диверсионными группами и противниками оккупационного режима, организовывали разведывательную сеть, осуществляли учет населения и мобилизацию на трудовые работы, конфисковывали оружие и формировали вспомогательные полицейские силы [20].

В течение всего периода оккупации Ростовской области население подвергалось жестоким расправам и существовало в невыносимых условиях. Значительная часть местных жителей была вынуждена трудиться на оккупационную администрацию, выполняя работы по обслуживанию, например, приготовление пищи и поддержание чистоты. В крупных населенных пунктах, таких как Ростов, Таганрог и станица Кагальницкая, были организованы бордели для удовлетворения нужд немецких военнослужащих. Любое проявление неповиновения каралось казнью или жестоким избиением. Продовольственное обеспечение гражданского населения было крайне ограничено: хлебные карточки выдавались лишь незначительной части жителей (порядка 10-15%), а установленная норма хлеба составляла всего 200-300 граммов, причем он был низкого качества (из полусгоревшего зерна) и выдавался с большими перебоями, задержки достигали трех недель. Электроснабжение и водоснабжение были приоритетно обеспечены для немецких военных и оккупационных учреждений. Оперативный штаб Розенберга осуществлял систематическое изъятие культурных ценностей, что привело к полному уничтожению всех очагов культуры в регионе. В ходе Нюрнбергского процесса комиссия установила, что в Ростове сотрудники штаба Розенберга сожгли Центральную научную библиотеку. Остальные библиотеки города были свалены вместе и перестали существовать. Многие ценные книги были уничтожены или вывезены в Германию.

Гражданское население страдало от репрессий со стороны любых вооруженных сил оккупантов. Оккупанты действовали по директивам и по личным побуждениям. В городах и селах Ростовской области проводились массовые расстрелы. Оккупанты грабили дома, угоняли скот. В Новочеркасске румыны грабили мирных жителей на улицах.

Систематическое истребление объектов гражданской инфраструктуры, включающее жилые и общественные здания, осуществлялось следующим образом: немецкие инженерные подразделения, состоящие из саперов, специалистов по поджогам и взрывников, устанавливали взрывные устройства. После взрыва зданий, оставшиеся конструкции поджигались с использованием бензина. Ликвидация строений носила систематический и спланированный характер, осуществляясь при официальном одобрении оккупационной администрации города.

Дома также разбирались для получения топлива. Жителям давалось крайне мало времени, часто всего два часа, чтобы покинуть свои жилища и переместиться во временные убежища, такие как сараи, или оказаться на улице. В ряде случаев эвакуация не проводилась, что приводило к гибели сотен людей под завалами разрушенных зданий и промышленных объектов.

В конце декабря 1942 года оккупационные власти совершили жестокую акцию возмездия против мирных жителей хуторов Грузино, Нагорное и Маркино Морозовского района. Используя как предлог убийство двух немецких солдат в результате столкновения с советской разведгруппой, немецкие подразделения направили в указанные населенные пункты карательную экспедицию, состоящую из особо жестоких военных [22].

В период с 26 по 27 декабря немецкие солдаты совершали массовые убийства мирных, безоружных граждан. За эти два дня были подвергнуты пыткам, расстреляны и захоронены заживо 261 человек, среди которых были дети, в том числе полуторагодовалые младенцы, и старики преклонного возраста, достигавшие 95 лет [23].

Оккупационные войска вермахта согнали всех жителей поселений, включая несовершеннолетних, на центральную площадь хутора Грузино, образовав вокруг площади плотное кольцо окружения. По распоряжению офицерского состава, все мужчины, достигшие 12-летнего возраста, были отделены от остальных и насильственно перемещены к заброшенным шахтным колодцам. На виду у близких и родственников военные преступники приступили к уничтожению мирных граждан.

Каратели принуждали жертв поочередно спускаться на дно углублений, после чего офицер производил смертельные выстрелы, как правило, два на человека. Следующего обреченного располагали рядом, и эта ужасающая процедура повторялась. После заполнения дна телами убитых, по ним вели огонь из автоматического оружия. Следующие жертвы были вынуждены ложиться на трупы убитых и раненых. Таким образом, солдаты рейха заполнили три колодца телами невинных жертв, после чего отдано было распоряжение сбросить туда навоз, что привело к мучительной смерти выживших.

Вооруженные гитлеровцы в жестокой форме врывались в жилища местных жителей и совершали массовые убийства целых семей, не проявляя милосердия ни к старым, ни к малым. В хуторе Маркино была зверски умерщвлена колхозница Буркина Федосия Назарьевна, 38 лет, с ее дочерьми: Нюсей (полутора лет), Марусей (пяти лет) и Таней (семи лет).

В хуторе Нагорное трагически оборвалась жизнь семьи Валахтина Ильи Васильевича, 65 лет, его супруги Натальи, 64 лет, дочери Юлии, 14 лет, сына Володи, 11 лет, а также пяти женщин, эвакуированных из других регионов. Убивая юного Володю Балахтина, истязатели цинично заявили, что причиной казни является его имя, созвучное имени Владимира Ильича Ленина.

Немецкие солдаты подвергли пыткам престарелого Позднякова Андрея Сафроновича, 85 лет, и его внука Петра, 17 лет. Гладченко Вера Савельевна, из последних сил пытаясь уберечь своего сына Анатолия, 15 лет, передела его в женское платье, однако была расстреляна вместе с ним.

Маркина Марфа Тимофеевна, 62 лет, со слезами на глазах молила о пощаде для своего глухого супруга, 75 лет, но палачи не вняли мольбам и расстреляли и ее, и его.

В январе 1943 года советские войска Южного и Северо-Кавказского фронтов, под командованием генерал-полковников А.И. Ерёменко и И.И. Масленникова, начали Северо-Кавказскую стратегическую наступательную операцию, положившую начало освобождению Нижнего Дона. Дальнейшим этапом стала Ростовская наступательная операция. 14 февраля части 28-й армии, возглавляемые генерал-лейтенантом В.Ф. Герасименко и входящие в состав Южного

фронта под командованием генерал-полковника Р.Я. Малиновского, во второй раз освободили Ростов-на-Дону.

Окончательное освобождение Ростовской области завершилось только в конце лета 1943 года. Это стало возможным благодаря прорыву Миус-фронта войсками Южного фронта под командованием генерал-полковника Ф.И. Толбухина. Ключевым событием стало освобождение Таганрога и западных районов области 30 августа 1943 года.

В ходе расследований специальных комиссий по фактам злодеяний нацистских захватчиков отдельную категорию преступлений на территории Ростовской области в период оккупации составил угон мирного населения на принудительные работы в Германии.

Немецкие захватчики производили принудительный вывоз граждан Ростовской области для работы в Германию. Так, только из г. Ростова-на-Дону в период оккупации с 24 июля 1942 г. по 14 февраля 1943 г. было отправлено 9 транспортов общим количеством около 50 000 человек. Связь с вывезенными людьми в Германию немедленно прекращалась. Согласно приказу коменданта города все мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 15 до 50 лет были зарегистрированы, у большинства из них были отобраны паспорта, и под угрозой расстрела они были вывезены в Германию.

Анализ значительного объема эмпирических данных, полученных из различных источников, наглядно подтверждает выводы о том, что активные действия подполья и партизан помогли ряду местных жителей избежать насильственной депортации в Германию. Вооруженное сопротивление преступным действиям немецких оккупантов пользовалось широкой поддержкой населения, что обеспечило высокую результативность действий партизан и подпольщиков, несмотря на сложные природные и общественные условия [24].

На бирже труда требовали предоставить документы, подтверждающие трудовой стаж и личность. Каждый трудоустроенный обязывался в течение суток уведомить службу о своем трудоустройстве. Несоблюдение указанных требований каралось. В результате отдел труда формировал базу данных трудоспособного населения, заведя карточки с личной информацией: ФИО, дата и место рождения, адрес проживания, национальность и профессия. Это позволяло оперативно выполнять запросы оккупационных властей относительно рабочей силы. В зависимости от возраста и семейного положения людей отправляли на работу в Германию или на местные предприятия. Приоритет отдавался незамужним женщинам и неженатым мужчинам в возрасте 17-45 лет, а также тем, у кого не было больших семей или работы, полезной для оккупантов.

По данным первоисточников установлено, что злодеяния нацистской власти, руководства вермахта и их пособников в оккупированном Таганроге не исчерпывались только лишь убийствами и пытками гражданских лиц. В городе, оккупированном немецкими войсками, установился жестокий режим, который обрек местное население на голод и создал невыносимые условия для существования. Воспользовавшись тяжелым положением горожан, представители оккупационной администрации, под лицемерным предлогом оказания помощи, составляли списки "нуждающихся", чтобы отбирать людей для принудительного труда в Германии, Польше и других захваченных странах. Эта циничная схема позволила немецкому командованию обманом отправить тысячи таганрожцев, включая детей, на каторжные работы. Документы свидетельствуют о том, что за период оккупации тысячи мирных жителей были угнаны на принудительные работы.

В апреле 1942 года началась масштабная кампания по подготовке к отправке горожан в Германию. Распоряжение от 29 апреля, одобренное немецким комендантом, сообщало о

невозможности трудоустройства безработных жителей Таганрога из-за разрухи на предприятиях. Неженатых и незамужних горожан в возрасте от 17 до 45 и от 17 до 35 лет соответственно призывали обратиться в отдел труда для работы в Германии. В целях привлечения людей в распоряжении содержалась заведомо ложная информация о благоприятных и бесплатных условиях проживания, полноценном питании и медицинском обслуживании.

Спустя месяц объявление службы труда стало более требовательным. Жителей города предупреждали об обязательной регистрации до 23 мая для отправки на работы в Германию. Пригодные к работе мужчины и женщины должны были явиться. Не подчинившимся грозили суровые меры, включая лишение продовольственного пайка. Контроль за выявлением трудоспособных граждан усиливался с 25 мая при поддержке немецких учреждений.

Документы городской ортскомендатуры и бургомистерства Таганрога весной 1943 года все чаще содержат термины, связанные с перемещением населения: "эвакуированный", "просьба об отсрочке эвакуации", "список эвакуированных" и прочее [25]. Лицам, подлежащим отправке, приходило уведомление от управления бургомистра с указанием явиться в назначенное время и дату на сборный пункт (Владимирская площадь, здание школы) для отъезда из Таганрога. Предупреждалось о применении принудительных мер в случае неявки, а также о необходимости сдать хлебные карточки [26].

Срочно сформированные биржей труда группы "нуждающихся" в эвакуации преобразовывались в отряды. Местный житель, Н. Саенко, в своих дневниковых записях описывал царивший в городе хаос и панику, вызванные слухами о депортации безработных, утверждая, что останутся лишь трудоустроенные и их семьи, а также родственники ранее вывезенных. Он отмечал переполненность биржи труда и трагедию – самоубийство женщины, узнавшей о депортации, а также отправку первой партии в 72 грузовиках [27].

Только за последние месяцы оккупации из Таганрога в Германию было депортировано около 10 000 человек.

В период с 11 июня по 20 июля 1943 г., накануне освобождения города от захватчиков, было отправлено 10 партий граждан на работы в Германию общей численностью 6762 человека. Согласно архивным данным, накануне 10 июня 1943 года в газете "Новое слово", издаваемой немецкой администрацией, было объявлено, что в связи с приближением фронта проводится эвакуация населения. Не подчинившимся угрожали суровыми наказаниями. В действительности же создавались списки тех, кого можно направить на работы в Германию. Так, 11 июня 1943 г. спешно созданные "списки нуждающихся" разбили на партии, и в этот же день была отправлена первая группа принудительных работников, в том числе дети. В последующие дни отправки происходили регулярно [28].

За весь период оккупации общее число таганрожцев, депортированных в Рейх, составило около 27 тысяч.

В г. Шахты Ростовской области в период оккупации города развернулась активная деятельность оккупационных властей по отбору и направлению на принудительные работы советских граждан, часть из которых была непосредственно вывезена в Третий Рейх, другая в глубокий тыл. В феврале 1943 года, при отступлении из города, немецкие войска составили списки на 12 тысяч жителей, предназначенных для принудительных работ в Германии. Комендант города, капитан Креммер, издал приказы об обязательной явке на пункты сбора под угрозой казни за неповиновение. В ответ шахтеры прятались от облав, где могли: в подвалах, на чердаках и в заброшенных шахтах.

С началом массовых облав немецкие патрули, жандармы, полиция и гестапо устраивали облавы на улицах и вторгались в дома, задерживая тех, кто не успел укрыться. Захваченных людей отправляли в лагерь для военнопленных на шахте «Пролетарская диктатура», откуда колонны истощенных и полураздетых людей под конвоем отправлялись вглубь оккупированной территории в зимнюю стужу. В результате подобной деятельности к февралю 1943 года из города Шахты было депортировано около 5,5 тысяч человек, общая же численность шахтинцев, угнанных на принудительные работы в Германию в период оккупации составила порядка 9 тысяч человек.

Согласно справке от 10 апреля 1943 года, из Новочеркасского и Батайского районов Ростовской области было отправлено 3000 человек в возрасте от 14 до 35 лет для работы в Германии, при этом часть выехала добровольно. В сентябре 1943 года около 150 молодых людей из Батайского района были отправлены в Германию. В одном лишь хуторе Перебойном, из 38 мужчин, 16 были расстреляны за отказ уезжать с отступающими немцами. По приблизительным оценкам, было угнано около 1400 мирных жителей, преимущественно мужчин.

В Новошахтинске, вскоре после оккупации, начался принудительный вывоз молодежи в Германию. Сначала появились призывы: «Отправляйтесь работать в Германию, иначе будет поздно!». Затем последовала обязательная регистрация юношей и девушек, в том числе подростков 1928 года рождения. Медицинские осмотры проводились формально. Врачи получили указание ставить отметку "gesund" (здоров) даже больным и инвалидам.

После "медосмотра" молодых людей отправляли в Германию в товарных вагонах под охраной. Всего из Новошахтинска было угнано более трех тысяч человек. Тяжелый труд, избиения и голод обрекали угнанных на болезни, а зачастую и мучительную смерть. Седьмая партия в две тысячи человек была спасена наступлением Красной армии, освободившей город 19 февраля 1943 года.

В Сальском районе оккупационные власти насильно мобилизовали около 1800 юношей, девушек и молодых женщин, оторвав их от родных и близких для принудительного труда в Германии. Собрав молодёжь на железнодорожной станции, солдаты немедленно загнали их в товарные вагоны, запретив прощаться с провожающими. Оттолкнув родственников, немецкие захватчики лишили их возможности попрощаться с отправляемыми на каторгу. Вокруг стоял душераздирающий плач, крики отчаяния, люди теряли сознание.

Некоторым из угнанных удавалось сбежать, среди них была и жительница Сальска Безуглова, которая доставила письмо от Раисы Лазуткиной из Пролетарска. Вот его содержание: «Здравствуйте, мои любимые родители, сёстры и братья. Пишет вам ваша дочь Раиса из далёкой и чужой Польши, где я никогда не думала оказаться. Вдали от Родины, оторванная от дома, я постоянно думаю о вас. Уже второй месяц лежу в лагере, болею. Как здесь живется, не буду описывать, узнаете от того, кто передаст это письмо. Наш рацион – 150-200 грамм хлеба и баланда, денег нет. Обменяла чулки на хлеб, но ситуация отчаянная, возможно, придётся отдать всё, жизнь дороже. Страшное впечатление производят те, кто возвращается из Германии. Молодые люди, едва достигшие 20 лет, приезжают измученные, вшивые, больные, больше не пригодные для работы, их выбрасывают, как ненужный мусор. Многие из них окончили школу и институты. Вот что фашисты творят с советской молодежью. Передавайте привет всем родным и знакомым. Ваша Рая». (Из акта № 793 Чрезвычайной государственной комиссии о вывозе на работы в Германию населения Сальского района, условиях жизни, грабежах и насилии над мирным населением) [29].

Станица Пролетарская Ростовской области находилась в оккупации с 29 июля 1942 года по 20 января 1943 года. В этот период порядка одной тысячи юношей и девушек, учеников средних школ, были угнаны в Германию на принудительные работы.

Анализируя архивные данные и воспоминания очевидцев тех событий, можно отметить, что в начале установления вражеской власти на оккупированных территориях Ростовской области немецкие власти пытались воздействовать на население активной пропагандой. Обещая хорошие условия тем, кто согласится отправиться на работы в Германию. И часть людей верили данным обещаниям и отправлялись в Третий Рейх добровольно. В ход шло как разжигание ненависти к советской власти, комиссарам и И.В. Сталину лично, так и примеры конкретных «счастливых» советских людей, приезжавших на работы в Германию и вернувшихся обратно.

Но по мере укрепления оккупационного режима число добровольцев катастрофически снижалось ввиду насильственной политики в отношении мирного населения в зоне оккупации, что приводило к применению со стороны нацистов методов обмана, запугивания, а также прямой силы.

Оккупационные власти для выполнения задачи по набору и отправлению людей для работ в Германию выполняли ряд схожих действий в крупных населенных единицах и городах Ростовской области. В первые дни работы биржи труда начинали проводить перепись населения, разделяя его на несколько групп: лица, преданные немецкой власти; среднее население; члены партии, комсомольцы и военнослужащие в рядах Красной Армии (и члены их семей). К последним относились по-особому: от изоляции в застенки карательных органов до непосредственного физического уничтожения. То есть биржа труда, помимо своих прямых функций, выступала ключевым пособником Гестапо в реализации злодеяний против гражданского населения, выявлении активистов и коммунистов. Биржей труда велся учет еврейского населения. Часто её задействовали для проведения операции по сбору евреев для их уничтожения.

Руководство биржи труда обладало всевластием над подневольным населением. В распоряжении службы имелся значительный полицейский отряд, собственные камеры в тюрьмах и свои концентрационные лагеря. Эти службы работали в тесной связке с предателями и коллаборационистами.

Документальные источники из архивов ТФ ГАРО свидетельствуют, что после формирования в Третьем рейхе структуры под руководством Заукеля, насильственный вывоз жителей оккупированных территорий приобрел более систематизированный и жестокий характер.

В конечном счете, необходимо отметить, что использование подневольного труда в условиях продолжающейся войны приобрело для экономики Третьего рейха все более значимую роль. Непрерывающиеся мобилизационные мероприятия привели к хронической нехватке рабочих рук в немецкой экономике.

В связи с этим, для заполнения освободившихся рабочих мест, преимущественно неквалифицированных, и выполнения разнообразных задач в широких масштабах, советские граждане стали активно вовлекаться в трудовую деятельность.

Нюрнбергский трибунал, рассматривая преступления Третьего рейха, особо выделил практику порабощения гражданского населения, признав её одним из наиболее тяжких злодеяний против человечности. В период оккупации, с 1942 года по август 1943 года, нацистские захватчики депортировали с из Ростовской области свыше 77 тысяч человек. Эта принудительная депортация была квалифицирована трибуналом как преступление против человечества.

3. Заключение.

Анализ полученной информации показал, что принудительный труд советских граждан был не просто преступным эпизодом войны, а системной, тотальной и стратегически продуманной политикой нацистской Германии, являвшейся стержнем её экономической эксплуатации оккупированных территорий. Масштабы этой политики чудовищны: в рабство было угнано около 4.8–5 миллионов гражданских лиц СССР (остарбайтеров) и около 4.5 миллионов военнопленных, что в сумме составляет почти 10 миллионов человек. В ходе Нюрнбергского трибунала была озвучена цифра в 4 978 000 человек. Согласно данным Комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий, за период военных действий в Германию было угнано 4 829 000 гражданских лиц. Также упоминается о 4 559 000 советских военнослужащих, оказавшихся в плену, большинство из которых были принудительно привлечены к работам [31, с. 417].

Этот механизм порабощения не знал исключений: он в равной степени калечил судьбы женщин, мужчин, подростков и детей, чей труд использовался без каких-либо ограничений по возрасту, полу или состоянию здоровья. Насильственная депортация детей и их профессиональная «подготовка» свидетельствуют о долгосрочных планах нацистов по использованию населения СССР в качестве расходного ресурса для германской экономики. Идеологическое обеспечение этого процесса, включавшее разжигание ненависти к «восточным рабочим» среди немецкой молодежи, делало систему комплексной и всеобъемлющей.

Таким образом, трагедия принудительного труда — от массовых цифр до индивидуальных судеб, на примере жителей Ростовской области, — раскрывает сущность нацистского режима, для которого человек, особенно с оккупированного «востока», был лишён всяких прав и превращён в орудие производства. Русские в представлении нацистских захватчиков являли собой чудовищную смесь народов, рас, сосредоточение низкого человечества-настоящих подонков человечества, азиатов, которые, даже при условии знания немецкого языка, не были нужны Германии.

Изучение этой темы, основанное на документах, свидетельствах последних очевидцев и данных реабилитационных комиссий, имеет ключевое значение не только для восстановления исторической правды о войне, но и для расширения границ коллективной памяти, делая её конкретной, человеческой и предостерегающей от повторения подобных преступлений против человечности.

В результате проведенного исследования гипотеза нашла свое подтверждение. Было установлено, что в Ростовской области, также как и в ряде других оккупированных территорий Советского Союза, в основе массового угона населения лежали как прямые экономические основания, так и реализация идеологических компонентов нацизма.

Оккупационные власти для выполнения задачи по набору и отправлению людей для работ в Германию выполняли ряд схожих действий в городах Ростовской области. По мере укрепления оккупационного режима число добровольцев катастрофически снижалось ввиду насильственной политики в отношении мирного населения в зоне оккупации, что приводило к применению со стороны нацистов методов обмана, запугивания, а также прямой силы.

В результате исследования было выявлено, что только из г. Ростова-на-Дону в период оккупации с 24 июля 1942 г. по 14 февраля 1943 г. было отправлено 9 транспортов общим количеством около 50 000 человек. Из г. Таганрог, подвергшегося наиболее продолжительной оккупации среди административно-территориальных единиц области, в Третий Рейх на принудительные работы депортировано около 27 тысяч человек. В Сальском районе оккупационные власти насильно мобилизовали около 1800 юношей, девушек и молодых женщин. Станица Пролетарская Ростовской области - порядка одной тысячи юношей и девушек.

К сожалению, на современном этапе развития глобальной политики мы вновь встречаем тенденции по реабилитации нацистских преступников и обелению ряда чудовищных фактов нацистского режима. Знание истории, ее особенностей, связанных как с Россией, так и в Мировом масштабе, а так же локальных особенностей и нюансов, понимание всего негативного, что за собой приносит идеология нацизма, чувствуя ту боль и страдания, через которые прошли наши предки, а также понимание того факта, что «семена межнациональной вражды», посеянные приспешниками нацистской Германии, дают всходы в наше время, позволяет быть уверенным, находясь в огромном потоке не всегда достоверной и правдивой информации, оставаться верным принципам гуманизма, справедливости, и в целом обеспечивает «коллективный иммунитет» общества и индивидуума против «коричневой чумы».

4. Список литературы:

1. Гаража Н.А. Понятийное измерение контекста трудоустройства советских граждан в экономике нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 4. С. 656–669.
2. Ирицян Г. Э., Гаража Н. А. Экономические и идеологические причины использования Третьим рейхом принудительного труда «восточных рабочих» // Гуманитарные науки. 2023. Том13, №3. С. 135-140.
3. Там же.
4. Никонова С.И. «Восточные рабочие» в нацистской германии: на материалах источников личного происхождения. История. С.140-145.
5. Гаража Н. А. Остарбайтеры и советские военнопленные в нацистской идеологии и практике этнической сегрегации в период Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (33). С. 46–56.
6. Ирицян Г.Э., Гаража Н.А. Экономические и идеологические причины использования Третьим рейхом принудительного труда «восточных рабочих». Гуманитарные науки. 2023. № 13(3). С. 135-140.
7. Herbert U. Forced Laborers in the Third Reich: An Overview // International Labor and Working-Class History. 2000. № 58. P. 192–218.
8. Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. BandI: 1939–1941. Berlin: Akademie verlag, 1971.
9. Spoerer M., Fleischhacker J. Forced Laborers in Nazi Germany: Categories, Numbers, and Survivors // Journal of Interdisciplinary History. 2002. XXXIII: 2. Autumn. P. 169–204.
10. Liedke K. Das KZ-Außenlager Schillstraße in Braunschweig 1944–1945. Braunschweig, а. 2006.
11. Полян П. М. Советские граждане в Рейхе: сколько их было // Социологические исследования. 2002. №5. С. 95–100.
12. Белорусские остарбайтеры: историко-аналитическое исследование / под ред. Г. Д. Кнатько. – Минск : НАРБ, 2001. 336 с.
13. Письмо концерна «Флик» инженеру Рису – служащему районного бюро по распределению рабочей силы // Нюрнбергский процесс. – М. : Юридическая литература, 1966. – Т. 3.
14. Kooger, B. Zwangsarbeit von «Ostarbeitern» 1942–1945. Frauen und Männer aus der Ukraine erinnern sich an ihre Arbeits und Lebensbedingungen im Volkswagenwerk / B. Kooger. – Wolfsburg, 2004. – 47 p.
15. <https://безсрокадавности.рф/wp-content/uploads/2025/05/bez-sroka-davnosti-lnr.pdf>. 15.01.2026.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. <https://безсрокадавности.рф/gazety/>
20. Там же.
21. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 119 об.
22. Там же.
23. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 8. Л. 16–20.
24. Там же.

25. Агеева В. А., Трапш Н. А., Жбанникова М. И. Роль партизан и подпольщиков Ростовской области в спасении гражданского населения региона от угона на принудительные работы в Германию в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 11–19. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.1>
26. ТФ ГАРО. ФР 619. Оп. 1. Д. 255.
27. Агеева В. А., Трапш Н. А. Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». 2023. № 5 (63). С. 158-165.
28. ГАРО. ФР 3613. Оп. 1. Д. 447.
29. ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 5. Д. 4. Л. 11–14. Подлинник. Машинопись; ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 11. Л. 6–8.
30. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.